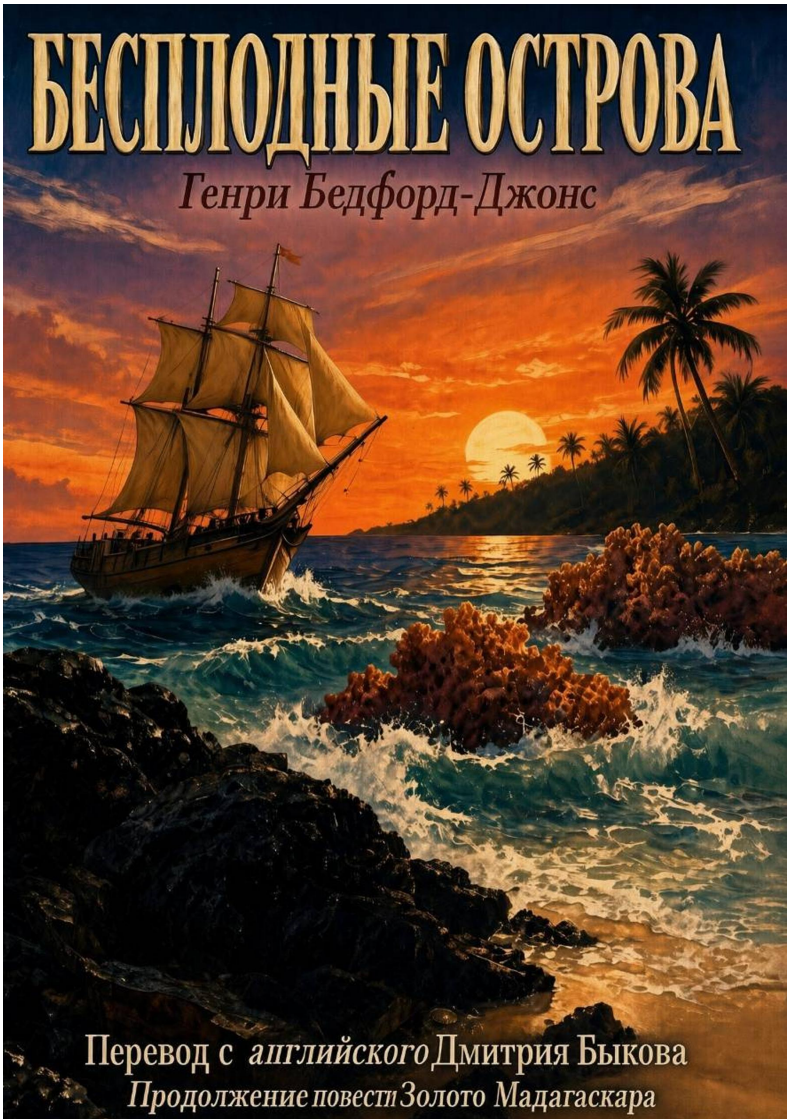
БЕСПЛОДНЫЕ ОСТРОВА

Генри Бедфорд-Джонс

Перевод с *английского* Дмитрия Быкова

Продолжение повести Золото Мадагаскара

Дмитрий Быков
Бесплодные острова

https://litres.ru/75051773
SelfPub; 2026

Аннотация

Мятеж на забытом богом острове, тайна пропавшего золота и двое людей, оказавшихся вне закона среди коралловых рифов. В новой повести Генри Бедфорд-Джонса капитан Тренчард вновь рискует всем: теперь его шхуна разбита, команда рассеяна, а сам он — пленник на Бесплодных островах, где каждый готов продать друга за горсть монет.

Но Тренчард не из тех, кто сдаётся. Чтобы вырваться с проклятого архипелага, ему придётся переиграть и колониальные власти, и пиратов, и собственную судьбу. Динамичная история о чести, предательстве и цене свободы — продолжение морских приключений, начатых в "Золоте Мадагаскара".

Книга входит в серию "Генри Бедфорд-Джонс. Перевод Дмитрия Быкова".

Содержание

К читателю	5
Глава I	6
Глава II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Бесплодные острова

Оригинальное название: The Barren Islands

Автор оригинала: Henry Bedford-Jones

Первая публикация: 1926 г.

Перевод с английского: Дмитрий Быков. Год перевода: 2026

Произведение опубликовано в общественном достоянии. Права на данное издание принадлежат переводчику. Защищён авторский перевод - Дмитрий Быков, 2026.

Все права защищены. Никакая часть данной электронной книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами — электронными, механическими, путём фотокопирования, записи или иными — без письменного разрешения правообладателя.

К читателю

Эта повесть — прямое продолжение событий, описанных в книге "Золото Мадагаскара". Капитан Тренчард вновь оказывается в центре смертельно опасной игры: разбитая шхуна, предательство команды и таинственные Бесплодные острова, где за каждым коралловым рифом скрывается засада.

Если на Мадагаскаре золото стало приманкой в ловушке колониальных властей, то здесь ставка ещё выше — сама жизнь. Чтобы вырваться с проклятого архипелага, Тренчарду придётся переиграть и пиратов, и солдат, и собственную судьбу.

Читать эту книгу можно и отдельно, но полнее она раскроется тем, кто уже знаком с первой частью приключений капитана Тренчарда.

"Острова эти на картах не значатся, и ветры сюда не заносят добрых людей. Здесь каждый либо хищник, либо добыча — а чаще всего и то, и другое сразу"
— Из судового журнала пропавшего капитана

Глава I

Грениль наклонился через столик кафе, наблюдая за компанией, занимавшей стол у Тренчарда за спиной. Затем он взглянул на Тренчарда — внезапно напряжённый и настороженный.

— Ты сказал, — выдохнул он, — что только один человек на Мадагаскаре знает тебя в лицо — тот самый, кто дал властям твоё описание.

Тренчард, закуривавший трубку, небрежно кивнул.

— Да — лейтенант Бруйан, портовый офицер в Нуси-Бе. От него здесь, в столице, опасности нет.

— Тогда не оборачивайся, или ты покойник. Он как раз садится за стол позади тебя.

Тренчард спокойно докурил трубку. Он сидел неподвижно, глядя на спутника; Грениль, в свою очередь, следил за двумя мужчинами, которые только что вошли и усаживались прямо за спиной Тренчарда за соседний столик.

Один был полковник пехоты, высокий и представительный офицер. Другой — худощавый, гибкий, в форме морского лейтенанта; его плечи находились всего в двух футах от плеч Тренчарда.

— Вот удачная встреча, племянник, — сказал полковник, расслабляясь в кресле после того, как сделал заказ. — Какого дьявола тебя занесло в столицу? Я думал, ты прикован к

Нуси-Бе, к своему очаровательному местечку в Хелвиле.

— Десять тысяч франков, месячный отпуск и отдельное командование, — произнёс пронзительный голос, принадлежавший лейтенанту Бруйану. — Иначе говоря, я собираюсь стать умеренно богатым, получить капитанство и добиться славы.

— Отлично! Выкладывай свой волшебный рецепт, во что бы то ни стало! Как же ты намерен всё это провернуть, позволь спросить?

— Повесив пирата Тренчарда.

При этих словах брови Тренчарда взлетели вверх. Грениль, оправившись от первого испуга, теребил свою чёрную бороду и начал ухмыляться.

— Ах, да! — сказал полковник, смеясь. — Помню, ты видел его и знаешь. Что ж, говорят, он храбрый малый. Предупреждаю тебя: у него острые зубы!

— Но у меня есть мозги, — самодовольно заявил Бруйан.

Тренчард хмыкнул при этом.

Ночь была ясной, тёплой, но свежей, и эта столица Мадагаскара, чьё неуклюжее название сократили до Тананариве, лежала залитая великолепным сиянием тропической луны. Днём с террасы кафе открывался чудесный вид на город, раскинувшийся на двух крутых склонах холмов, и на окружающие холмы и рисовые равнины на полных пятьдесят миль; но теперь, ночью, всё изменилось. Вверху шпили церквей и стеклянная крыша дворца мерцали в лунном свете, а внизу

лежал сказочный город, его вздымающиеся улицы были усыпаны и озарены электрическими огнями, звенели колокольчики рикш, время от времени пронзительно ревела сирена мотора.

— Очень приятная погода у нас стоит, мой дорогой месье Аржантёй, — заметил Грениль вкрадчиво.

— Очень, — повторил Тренчард, который носил вполне приличные бумаги и удостоверение личности под этим французским именем. Никто бы не заподозрил в нём знаменитого пирата и контрабандиста, стоящего десять тысяч франков живым или мёртвым, которого мало кто знал в лицо, но все — по репутации. Знаменитый пират никогда не сунется вглубь страны в Тананариве, в самое сердце Мадагаскара; да и этот месье Аржантёй был стройным, тихим, невысоким человеком, его ровные серые глаза были безобидными, всегда спокойно поставленными, черты лица смуглые, но аккуратные и привлекательные. Уж точно не пират!

— Его будет нелегко взять, этого Тренчарда, — задумчиво произнёс достойный полковник. — Когда ты поймаешь его, твои неприятности только начнутся. И помни, он не пират в том смысле, как мы понимаем это слово — то есть, с точки зрения международного права. У тебя есть план?

— Я всё устроил, — ответил Бруйан уверенным голосом. Тренчард выпустил кольцо дыма в сторону Гренили, который хихикнул в ответ; но к их разочарованию дальнейших подробностей не последовало. — Не пират, говоришь? Че-

пуха! Он контрабандист, враг общества, человек, презирающий любой закон; и у него есть слабое место — его привязанность к этой парусной шхуне! Он ничего не уважает, не колеблется потопить корабль или открыть огонь по нашим солдатам, и всё же держится за свою старомодную шхуну. Это его и погубит.

— Ну-ну, — и полковник вздохнул, — вот аперитив, и выпьем за твой успех и богатство. Тебе дадут командовать кораблём?

— О да — "Тонкин". Мне поручено уточнить карты Бесплодных островов на западном побережье. Кроме того, моя охота лежит в том направлении. Шхуна Тренчарда сейчас в Занзибаре, несколько повреждённая после его последней выходки на северо-восточном побережье.

Губы Тренчарда изогнулись в их слабой, непроницаемой улыбке. Его шхуна в Занзибаре, надо же! Он тщательно подбросил этот слух. Правда, он не конфликтовал с британскими интересами, и Занзибар был для него убежищем, поскольку по международному праву он не считался пиратом; в то же время Бруйан присвистнул бы, знай он, где именно находится шхуна в настоящий момент.

— Будь я на твоём месте, — сказал Тренчард, наклоняясь через стол, — я бы убрался отсюда. Тебе нужно встретиться со своим человеком и договориться насчёт того груза. Я пока не могу уехать — кроме того, твой торговец каучуком появится в любую минуту. Думаешь, он связан с этим мел-

ким интриганом?

Грениль слегка встревоженно покачал головой. Он был вспыльчивым маленьким французом, обычно беспечным и беззаботным человеком, хотя и ходил по опасным путям.

— Невозможно сказать, — ответил он. — Жалею теперь, что познакомил его с тобой. И мне не нравится оставлять тебя здесь.

Он теребил свою чёрную бороду, ибо был верен друзьям, и одно слово могло погубить Тренчарда, который был персоной нон грата для французских властей. Тренчард, этот непроницаемый и тихий человек, имел странные представления о законах и скорее помог бы какому-нибудь угнетённому бедолаге, чем стал бы кланяться портовым чиновникам. Не так давно его едва не поймали; свистели пули, и Тренчард словил одну из них. Так что, с обычной дерзостью, он приехал в столицу восстанавливаться.

— Не беспокойся, — сказал Тренчард. — Кроме того, тебе нужно забронировать нам места в правительственном почтовом авто. Если мы не выедем завтра утром, застрянем ещё на три дня, а сейчас пора убираться. Встретимся позже в отеле.

С покорным пожатием плеч Грениль послушно встал. У него были влиятельные родственники в Париже, и он боялся не столько за себя, сколько за Тренчарда. Раз уж требовались действия, он надвинул шляпу на глаза и побрёл прочь.

Тренчард посасывал трубку, гадая, какую схему придумал

лейтенант Бруйан для его погибели, но не смог уловить больше ни слова на эту тему из-за соседнего стола. Подошёл официант. Тренчард подозвал его и вручил фиолетовую пятифранковую купюру, затем махнул рукой отпустить его, уверенный, что удержит столик.

Десять минут спустя подошёл тучный мужчина и поклонился Тренчарду. Это был торговец каучуком, которому Грениль представил его, и у которого было дело для обсуждения. Торговец сел, огляделся и заговорил.

— Итак, месье Аржантёй! Мы можем говорить здесь?

— Так же хорошо, как и везде.

— Я понимаю, следовательно, что вы действуете как агент некоего господина, чьё имя мы не можем назвать.

Тренчард кивнул и дёрнул большим пальцем в сторону стола позади. Торговец каучуком сделал жест понимания и понизил голос.

— И если какая-либо сделка будет заключена с вами, этот другой джентльмен выполнит свою часть?

Ещё один кивок от Тренчарда, который был рад обнаружить, что торговец не подозревает его истинной личности с тем джентльменом, чьё имя нельзя называть. Торговец заказал выпивку, затем закурил сигарету и навис над столом.

— Вот какое дело, месье. Я знаком с двумя людьми, которые готовы заплатить большие суммы, чтобы выбраться с Мадагаскара и добраться до материка — либо в Мозамбик, либо в Занзибар, либо в Момбасу. По причинам, которые

нам незачем обсуждать, они не могут покинуть остров обычными путями; каждый порт следит за ними.

Тренчард снова кивнул. — Кто они? — резко спросил он.

— Один американец по имени Берри, другой француз, Эмиль Форильон.

Тренчард сжал губы. Он слышал о Берри — управляющем каучуковой плантацией на юге, виновном в особенно зверском убийстве.

— Нам незачем обсуждать Берри, — сказал он. — Мой принципал не жалует преступников такого сорта —

— Но, месье! Ваш принципал тоже американец. Этот человек заплатит щедро —

— Отказано, — был краткий ответ. — Пусть негодяй висит. Кто второй?

— Форильон? Ах, это печальный случай! Человек занимал пост в Административном бюро. Его жена сбежала с начальником. Форильон угрожал местью и был арестован по сфабрикованному обвинению в контрабанде и приговорён к каторге. Он бежал из тюрьмы и скрывается на западном побережье. Друзья снабдили его деньгами, так что он может заплатить —

Тренчард сделал жест. — Может он быть в арабской деревне Соалала, в заливе Бойанна, через пять дней?

— Да.

— Пусть будет там в следующий вторник, и о нём позаботятся. Деньги не нужны; мой принципал не принимает денег

за помощь несчастным людям.

Тренчард слегка вскинул голову, прислушиваясь. Два офицера за соседним столом заказывали обычный обед. Он нахмурился, затем заговорил.

— Месье, вы можете оказать мне услугу. Я собираюсь уходить. Будьте добры, следуйте за мной очень близко, до самой двери; я не хочу быть замеченным определённым лицом.

Торговец согласился. Тренчард выложил монеты оплатить напитки, затем встал. Мгновение спустя он прошёл мимо соседнего стола и направился к выходу, торговец вплотную позади и заслоняя его своей тучной фигурой от случайного узнавания Бруйаном. У входа Тренчард обменялся прощаниями с торговцем, вышел и подозвал рикшу.

Через пятнадцать минут он был в тихом маленьком отеле, вниз по центру нижнего города и почти в тени великолепного железнодорожного вокзала с его садами и аллеями австралийских сосен. Оказавшись в их номере, где он застал Грениля, курящего в одиночестве и тревожно ожидающего, Тренчард сел и пересказал свой разговор с торговцем.

— Я с радостью помогу этому парню Форильону, — сказал он, — ибо он жертва этого проклятого бюрократического правительства. Но мне пришло в голову, что этот парень может быть подставой. Ты бы знал, если был такой случай, конечно.

Грениль сразу согласился. — Да; точные обстоятельства туманны, но это в какой-то мере освещалось в газетах. Фо-

рильона арестовали за контрабанду, он бежал из тюрьмы и, кажется, избежал поимки.

— Тогда всё в порядке, — сказал Тренчард и расслабился. — Места забронированы?

— Да. Авто отправляется рано, тоже.

— Чем раньше, тем лучше, — проворчал Тренчард. — Не передумаешь и не поедешь со мной в море?

Грениль покачал головой. — Я собираюсь сделать ещё одну попытку с тем золотым прииском на севере. Провожу тебя до Маэватананы и удостоверюсь, что ты благополучно отчалил. Груз уже устроен; дау привезёт вещи с юга и встретит тебя у Бесплодных островов — на якоре в миле к северу от острова Лава. Это единственное возможное место.

— Какая дата? — потребовал Тренчард, слегка хмурясь.

— Через неделю в пятницу.

— Годится. Я подберу этого нищего Форильона во вторник, в заливе Бойанна — смогу спуститься вдоль побережья к пятнице, этот муссон. Всё чисто. Теперь скажи, ты думаешь, что твоё предложение с грузом может быть связано с маленькой интригой нашего друга Бруйана? Он упомянул, что будет вести съёмку возле Бесплодных островов, знаешь ли. Выглядит немного подозрительно.

Грениль нахмурился. — Мой друг, это проклятое совпадение — но не более. Во-первых, дау и груз принадлежат старому Али эль-Хадару, который ненавидит правительство, как дьявол святую воду; я отвечаю за его честность абсолют-

но, и за честность его сына, которого встретил сегодня вечером. Он крупнейший арабский торговец на юге. Сын отправляет радиограмму Али утром, и так, не упоминая твоего присутствия здесь, я рассказал ему, что подслушал Бруйана, и он пообещал сообщить старику. Али пришлёт тебе любую информацию, которую сможет добыть, с дау. Также сын сказал, что отправит радиограмму своему агенту в Маджунге, который, в свою очередь, сообщит Али на юг, если узнает что-нибудь. Таким образом, если эти арабы что-то узнают, ты получишь это. Теперь, если ты боишься подходить к Бесплодным, мне лучше увидеть сына снова сегодня ночью и отменить сделку —

— Нет, — сказал Тренчард. — Если ты ручаешься за Али эль-Хадара, этого достаточно. Давай ложиться и хорошенько выспимся, а? Правильно.

Глава II

Кроме трёх английских миссионеров, нескольких вождей западного побережья, возвращавшихся из столицы, и двух офицеров с заходившего крейсера, которые тоже возвращались, на следующий день Грениль и Тренчард были единственными пассажирами большого шарабана. Это была безумная поездка: идеальное гудронированное шоссе, спускающееся под уклон на двести пятьдесят миль, газ в пол, и огромная машина с грохотом неслась вперёд, не обращая внимания ни на какой транспорт. Разве правительственная почтовая карета не важнее любого частного гражданина? К тому же водитель хотел уложиться в один день пути, так как ему нужно было встретить даму в конце маршрута. То, что вверх по склону заняло бы два полных дня, вниз заняло один; и только миссионеры, уверенные, что водитель пьян, не получали удовольствия от поездки. Каждый раз, когда машина с рёвом проносилась через глубокую выемку или ныряла головой вниз по крутому участку дороги, они возмущённо ахали. Когда компания наконец добралась до отеля в Маэватанане, прошёл всего час после заката.

На следующее утро Тренчард ступил на борт плоскодонного, пыхтящего речного пароходика и попрощался с Гренилем. За последний месяц он во многом полагался на француза, и между ними завязалась крепкая дружба. Стоя вместе

у трапа, Грениль повернулся со словами:

— Мой друг, если мне повезёт в этой поездке, я покончу с Мадагаскаром — и у меня будет золото, чтобы незаметно исчезнуть. Где мы можем встретиться?

— Как долго ты пробудешь в холмах?

— Возможно, месяц, не больше.

— Тогда скажем — через месяц от сегодняшнего дня, в Порт-Шуазёль на восточном побережье. Днём.

— Договорились, — сказал Грениль. — Ты уходишь — удачи!

— Тебе того же.

Так они расстались, зная, что другой, если жив, придёт на встречу. Шансы были против обоих; ибо Грениль, хотя и не был разыскиваемым человеком, играл рискованную игру, отправляясь за туземным золотом. Тренчард оглянулся лишь раз, когда пароходик выплывал на стрежень, и махнул рукой; затем он повернулся лицом к северо-западу и будущему — один. Два дня вниз по Бетсибоке доставят его в Маджунгу, самый важный порт острова, и шансы были равны, что он сойдёт на берег навстречу аресту и расстрельной команде.

В течение пяти минут Тренчард, пробираясь на корму, лицом к лицу столкнулся с индусским торговцем из Маджунги, который хорошо его знал. Индус бросил на него пустой взгляд и прошёл мимо; Тренчард пошёл своей дорогой, чувствуя тепло в сердце, и занял шезлонг под навесом на корме. Этот пустяковый случай невероятно поднял ему дух и по-

служил противоядием к расставанию с Гренилем. На мгновение он почувствовал себя одиноким и слегка улыбнулся этому осознанию. В конце концов, были люди, которые доверяли ему, кто ценил его расположение выше десяти тысяч франков вознаграждения — туземцы, арабы, индусы, китайцы, купцы вдоль французского побережья и материка. Он подумал о лейтенанте Бруйане, который говорил о своих маленьких заговорах и интригах, и чуть не рассмеялся.

Поездка прошла без происшествий. Тренчард, после месяца отдыха и восстановления сил, полностью оправился от пули, раздробившей ему рёбра, и чувствовал растущее нетерпение снова выйти в море на шхуне, накренившейся под свежим солёным ветром. Та пуля окупилась сполна, но он не считал оплату долларами. Он был в игре ради самой игры. В данный момент он даже не знал — как и Грениль — какую именно игру он ведёт с Али эль-Хадаром. Старый араб наверняка собирался вывезти что-то контрабандой из рук французов, но Тренчард не задавал вопросов. Он вообще редко их задавал, впрочем.

Теперь, покуривая трубку и глядя на холмистую местность вокруг, наблюдая, как лодочники отталкивают маленький пароходик от вечных песчаных отмелей, глядя на просторы травянистых равнин там, где река извивалась широкими дугами, он был рад чувствовать, что через несколько часов снова окажется в игре. О Бруйане или замыслах последнего он почти не думал — времени для этого хватит,

когда придёт срок. Он тщательно рассчитывал каждый шаг при эвакуации человека Форильона. Залив Бойанна, где он должен был забрать беглеца, находился всего в нескольких милях вдоль побережья к юго-западу от Маджунги; это был большой и мелководный залив, содержащий лишь мальгашские или арабские деревни. Проскользнуть туда и выбраться обратно будет простым делом, а затем вниз к Бесплодным островам.

"Слишком уж просто", — подумал Тренчард, наблюдая, как два морских офицера достают винтовки и принимаются палить по крокодилам. "Очевидно, в Маджунге стоит крейсер, а картографическая посудина Бруйана "Тонкин" может быть там же — кто знает. Не думаю, что буду рисковать шхуной. Я сам пойду за Форильоном".

Это было типично для Тренчарда.

Он мало говорил с кем-либо на борту, играя свою роль флегматичного нормандца в совершенстве, и даже не увидел торговца-индуса из Маджунги, пока на второй день не показались мангровые болота дельты реки. Тогда он намеренно отправился искать индуса и нашёл того среди других смуглых людей на носовой палубе. Тренчард сделал жест, и индус подошёл к нему у релинга на правом проходе.

— Сегодня вечером, — сказал Тренчард без предисловий, — я буду в отеле "Париж". Завтра я еду в Соалалу, где никого не знаю. Мне нужно связаться с кем-то там, кому можно доверять и кто всех знает.

— Хорошо, сахиб, — тихо сказал индус. — Сын брата моего отца занимается бизнесом в Соалале и знает всех этих неверных арабов. Его зовут Рам Дас Бханджи. Скажи, что я послал тебя к нему во имя благословенного Вишну.

— Спасибо, — сказал Тренчард и снова пошёл на корму.

За час до заката маленький пароходик пыхтел через залив Бембатока к причалам внутри длинного белого Пойнт-де-Сабль. На милю или около того тянулась Маджунга, прекрасная своими мечетями и индусскими домами, позади них — глубокий зелёный парк, где процветали гигантские баобабы и манго, а венчая холм наверху — большой белый голубятник или военная голубятня с заметной колокольней. Но не на эти вещи смотрел Тренчард. Он уже отметил лайнер "Мессажери" и большой крейсер на якоре во внешней гавани; теперь он осматривал длинные причалы впереди, между железным пирсом и молом, где арабские дау, грузовые суда и каботажные пароходы загружались или разгружались. Здесь решалась его судьба, и когда речной пароходик пронзительно засвистел, обращаясь к баржам, его серые глаза искали то, от чего зависела жизнь или смерть.

Вскоре он нашёл её, пришвартованную у причала. На мгновение его сердце замерло; шхуна казалась покинутой. Неужели её узнали и захватили? Невозможно! Даже на его взгляд она выглядела неестественно в своём маскараде. Затем он понял, что она вовсе не покинута — на борт грузили водяные бочки. Он облегчённо выдохнул.

Человек более нетерпеливый, менее владеющий собой, мог бы всё испортить; но не Джон Тренчард. Он отвернулся, посмотрел на город впереди, прислушался к звону колоколов внизу, подождал у открытого трапа, пока маленькая лодка ударится о причал и будут брошены концы. Затем он был на берегу со своим саквояжем и подозвал рикшу.

— Отель "Париж".

Он проехал через город — индусский и арабский город с его арочными окнами и дверями, притолоками и дверными косяками, искусно вырезанными в Бомбее и привезёнными сюда для установки, толпами статных арабов и суетящихся индусов. Теперь с минарета мечети гудел призыв к послеполуденной молитве, и когда Тренчард повернул в маленький греческий отель, он услышал позади нарастающий гул голосов, выкрикивающих первую суру Корана.

Через пять минут он снял номер на ночь. Затем, закурив трубку, покинул отель и снова направился к причалам. Он прогуливался неспешно. Время от времени он видел людей, которые знали его — одного-двух арабских торговцев, индуса, двух коричневых сакалавских рыбаков, которые однажды провели его шхуну через коварные отмели Анакао, спасая от разъярённого таможенного катера. Никто из них не заговорил с ним и, казалось, не замечал его. Тренчард слонялся с трубкой в зубах и вскоре приблизился к своей шхуне.

Несмотря на самообладание, он вздохнул при виде её, ибо теперь она была грязным туземным каботажником: верхние

мачты сняты и убраны ниже, палубы завалены и замусорены, тросы свисают небрежно, канаты наполовину свёрнуты и в беспорядке, парусина порвана и залатана. На её носу сидел огромный арабский коралловый якорь из полого дерева, наполненного камнями, который опозорил бы самую жалкую дау. Дюжина смеющихся мальгашских моряков грузила на борт водяные бочки и укладывала их как попало, портовый унтер-офицер вёл учёт. На причале рядом с высокой кучей клеток для птицы, покуривая и время от времени отдавая распоряжения людям, стоял помощник Юсуф, теперь командовавший судном.

Тренчард взглянул на нос шхуны, увидел нарисованные там глаза в арабском стиле и остановился возле Юсуфа, который игнорировал его присутствие. Тренчард не упустил из виду людей, некоторые в форме, а некоторые нет, которые были разбросаны вдоль причалов, присматривая за происходящим; они могли выслеживать беглых преступников вроде Берри или Форильона, могли быть начеку при виде чего-либо подозрительного.

— Куда направляетесь? — спросил Тренчард, вынув трубку изо рта. Юсуф повернулся и бросил на него наглый взгляд. Он был высоким, полунагим, рябым прибрежным арабом, абсолютно бесстрашным и знающим каждый дюйм побережья Мадагаскара так, как мало кто знал эти воды. Эти двое мужчин, один белый, другой коричневый, когда находились в море, были как один человек, в чьих руках шхуна была

непобедима.

— На юг, в Мантрано, — сказал Юсуф, затем резко отдал приказ своим людям, игнорируя Тренчарда.

— В ночь на вторник, — быстро сказал тот на суахили, — у залива Бойанна. Внутри рифа Вигилант, двадцать два часа. Я подам свет. Опасно.

— Машаллах! — Юсуф развернулся к нему со звонким презрением. — Упаси Аллах, чтобы я сплетничал с неверными, когда у меня есть работа!

Тренчард пожал плечами и отвернулся. Эти двое мужчин понимали друг друга прекрасно, так что между ними слова часто были излишни. Юсуф знал, что Тренчард будет ждать в десять часов вечера вторника внутри длинного кораллового рифа Вигилант, который тянется от залива Бойанна. Тренчард знал, что шхуна будет там, чтобы забрать его, если Юсуф останется жив. Поскольку сегодня понедельник вечер, обоим мужчинам нельзя терять времени.

В багровом закате Тренчард пересёк город, вошёл в парк и среди высоких аллей манговых деревьев поднялся на холм к мальгашскому городу на вершине. Там он остановился, глядя туда, где высокие трубы бойни и холодильной установки извергали дым в небо; затем прошёл мимо голубятни и вошёл в туземный город. Через десять минут он добрался до лавки сакалавца, которого знал, и остановился перед открытым фасадом. Этот человек разбогател на скоте во время войны, но всё ещё держал торговлю шёлковыми и рафиевы-

ми товарами. Он поднял взгляд на Тренчарда и слегка кивнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.